

Идеологический компонент концепта «сильное государство»

Белов Л. П.

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

² ООО «Гелиос», Санкт-Петербург, Российская Федерация; leomonolit@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Автор статьи предпринимает попытку определить с политологических позиций роль идеологического компонента в разворачивающейся научной дискуссии в рамках концептуализации сильного государства. Используя методы дискурс-анализа и сравнительного подхода, он обосновывает выводы о том, что масштабный плюрализм трактовок сильного государства как общественного феномена в рамках общественно-политического дискурса обусловлен, в первую очередь, идейными позициями авторов. Во-вторых, идеологические разночтения аргументации в пользу сильного государства таят в себе опасность уклона дискуссии о сильном государстве в политико-манипуляционную сторону в пользу существующего социально-политического статус-кво; наконец, в-третьих, концентрация экспертно-научного сообщества и общественности на идеологических разногласиях по поводу сильного государства тормозит объективный научный анализ оснований и эффективности современного сильного государства в современных условиях.

Ключевые слова: сильное государство, национальная идея, традиционализм, государственная идеология, ценностные основания государства, политический дискурс, идейно-нравственные традиции и ценности, модернизация

The Ideological Component of the Concept “Power State”

Belov L. P.

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation

^b LLC “Gelios”, Saint-Petersburg, Russian Federation; leomonolit@yandex.ru

ABSTRACT

The author of the article makes an attempt to determine the role of the ideological component in the unfolding scientific discussion in the context of the conceptualization of a power state from the political standpoint. Using the methods of discourse analysis and comparative approach, he substantiates the conclusions that the large-scale pluralism of interpretations of a power state as a public phenomenon within the framework of socio-political discourse is due, first of all, to the ideological positions of the authors. Secondly, the ideological differences of reasoning in favor of a power state conceal the danger of deviating from the discussion of a power state in the political-manipulative side in favor of the existing socio-political status quo; Finally, thirdly, the concentration of the expert-scientific community and the public on ideological differences over a power state is hampered by an objective scientific analysis of the foundations and effectiveness of a modern power state in modern conditions.

Keywords: power state, national idea, traditionalism, state ideology, state's value bases, political discourse, ideological and moral traditions and values, modernization

По мере того как с начала текущего столетия в России набирает силу процесс укрепления институтов отечественной государственности, перед современной политической наукой возникает необходимость теоретического анализа новых проблем развития государства и общества в условиях XXI в. Исключительная роль государ-

ствоцентричной парадигмы в историческом развитии России, итоги эволюции государственного устройства страны в постсоветский период и происходящие в настоящее время глобальные изменения мировой политической системы стимулируют научный поиск перспектив развития национальной государственности. В этом смысле вполне закономерна актуализация идеи и концепта сильного государства как своего рода гаранта общественного прогресса [24; 25].

При этом на первый план выступают две важные особенности многочисленных трактовок сильного государства в современном отечественном теоретико-политическом дискурсе: концептуальный плюрализм в трактовке сильного государства [38] и их бросающийся в глаза идеологический подтекст. Последний, собственно, и является предметом настоящей статьи.

Хочется сразу сделать оговорку принципиального плана: концептуализация сильного государства не входит в задачу настоящей статьи. Но вряд ли было бы правильным при рассмотрении идейно-теоретических оснований такого сложного феномена, как современное сильное государство, устраниваться от представления о его сущности. Строго говоря, разработанной и общепринятой концепции сильного государства пока еще не существует: в истории отечественной политико-правовой мысли идея сильного государства материализуется через понятия национального, правового, монархического, демократического, народного, православного, имперского социалистического, федеративного и т. п. [3; 27; 33; 44; 45 и др.]. Подобная многозначность характеристик российского государства существенно затрудняет концептуализацию сильного государства, и она же во многом определяет ее зависимость от мировоззренческих и методологических позиций исследователей данного феномена. Именно с этой ситуацией связан основной мотив выбора предмета настоящей статьи. В отсутствие общественно-политического консенсуса по поводу характеристики сильного государства важно обозначить исходное представление о сильном государстве: для нас в данном случае это государство, обладающее по крайней мере двумя важнейшими свойствами: обеспечения государственного суверенитета страны и устойчивого развития страны в интересах всех своих граждан.

В настоящее время сама идея и концепт сильного государства находятся в центре политического дискурса. Первая диссертация еще в СССР по проблеме сильного государства была написана по итогам сравнительного анализа успешного исторического опыта Пятой республики в послевоенной Франции [5]. В современной России эту тему затрагивают в той или иной степени представители практически всего общественно-политического спектра страны, но теперь уже она исследуется преимущественно с позиций укрепления государственного суверенитета и факторов обеспечения стабильного и устойчивого развития страны.

Первоначальный анализ многочисленных публикаций по проблематике сильного государства позволяет сразу выявить наиболее часто встречаемые атрибуты сильного государства. В первую очередь речь идет о силовом потенциале, как его важнейшей характеристике. Именно сила лежит в основе так называемой «мифологии сильного государства», причем эта характеристика часто трактуется современными отечественными и зарубежными авторами порой противоположным образом. «Сильное государство, — пишет в своей статье М. Абрамова, — это сильная школа; сильное государство — это сильный президент; сильное государство — это сильный народ; сильное государство — это сильный бизнес; сильное государство — это сильное гражданское общество» [1, с. 97]. Автор делает при этом весьма существенную оговорку: она справедливо относит подобную трактовку сильного государства больше к мифологии, которая уже сложилась, на ее взгляд,

вокруг самой идеи сильного государства. Эта оговорка носит, на наш взгляд, принципиальный характер и позволяет формулировать некоторую исследовательскую гипотезу: в данной статье автор стремится исходить из обоснования различий между мифологической стороной обсуждаемой доктрины и ее объективизацией с позиций научного анализа [49].

Одна из наиболее распространенных в отечественном политическом дискурсе трактовок концепции сильного государства прямо исходит из необходимости наличия в таком государстве государственной идеологии, направленной на защиту национальной безопасности [1, с. 92]. Исходя из этой трактовки сильного государства, предлагается закрепить законодательно необходимость наличия в России собственной идеологии, «отразив в ней цели своей промышленной и сельскохозяйственной политики, опираясь на наследие национальных мыслителей» [1, с. 92]. Это достаточно распространенная позиция в политологическом сообществе и на ней следует остановиться подробнее. Полагаем, что здесь возникают сразу две оппозиции высказанному выше взгляду относительно сильного государства: подобный подход оставляет вне поля внимания исследователя такие вопросы, как конституционная (с позиций Конституции РФ 1993 г.) трактовка вопроса о государственной идеологии и, что особенно важно здесь — почему и каким образом идеология должна отражать цели промышленной и сельскохозяйственной политики?

Положения ст. 13 Конституции Российской Федерации, согласно которой никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, фактически с момента принятия Конституции РФ в 1993 г., стали предметом не прекращающейся дискуссии среди правоведов, политологов и политиков [2; 6; 7; 14; 15; 23; 30; 35 и др.].

В нашем случае важно выделить в содержании этой дискуссии несколько существенных моментов. Во-первых, четвертьвековые непрерывающиеся попытки выработать и сформулировать национальную идею России не привели к кому-либо общезначимому результату; во-вторых, с ментальной стороны сильное государство можно понимать и как некий фантомный образ, навеянный уходящей в историческое прошлое памятью об исторических победах и достижениях [36]; в-третьих, государственную идеологию часто понимают в современном политическом дискурсе как своеобразную концепцию государственной политики России в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Что касается первого обстоятельства, весь постсоветский период политический класс России, включая многих политических теоретиков и политиков, предпринимал значительные усилия для определения отечественной национальной идеи и выработки национальной идеологии. Но в итоге в большинстве случаев все сводится к следующему суждению: эту идеологию не надо придумывать заново: ее основы видятся большинству адептов российской идеологии в работах известных отечественных мыслителей позапрошлого и прошлого веков [8; 44–46 и др.].

Для сторонников подобной позиции типичным образом является формула: «государственная идеология в России всегда была основана на вековых традициях, на любви к своей стране, на готовности к самопожертвованию во имя будущего, во имя независимости и свободы народа государства» [16, с. 113]. Во втором случае, речь может идти о чисто российском восприятии сильного государства как наследника славных исторических достижений отечественной державы. Так уж вышло, что в последние годы, с проблематикой сильного государства в общественно-политическом пространстве, в первую очередь в массмедиа, теснейшим образом связаны понятия патриотизма, державности, особого исторического пути России и т. п. В этом плане важно обратить внимание на тревожную, с наших позиций, трактовку отдельных периодов и аспектов российской истории. Речь о стремлении не просто учитывать исторический опыт отечественной государственности, но и трактовать его в зави-

симости от актуальной политической конъюнктуры [10; 12; 24; 29; 33; 40; 42 и др.]. В силу чего в обыденном сознании сильное государство в России понимается все больше в силовом проявлении, связывается с сильным политическим лидерством, способностью дать отпор любой внешней угрозе.

Третья заметная позиция в идущей дискуссии по данной проблеме связывает воедино национальную идею, государственную идеологию и концепцию актуальной государственной политики России. Именно таким образом в 2012 г. был, например, презентован российскому экспертному сообществу проект Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (руководитель С.С. Сулакшин) «Национальная идея России: „Моя страна должна быть, и должна быть всегда!“», или «О том, что должны делать власть и общество, чтобы это было так». На более чем четырех тысячах страниц шеститомника была предпринята попытка создать проектным способом современную национальную идею России и государственную идеологию. Не замахиваясь на непосильный труд аналитического разбора этого массивного издания, отметим, однако, что сама попытка сформулировать содержание национальной идеи и национальных ценностей страны через механизм включения их в Конституцию страны, конечно, заслуживает, на наш взгляд, профессионального внимания экспертного сообщества. И прежде всего тем, что эта идея связана со стремлением интегративного представления нравственно-политических ценностей личности, гражданского сообщества и государства как определяющего конституционного и политического института [41]. В этом же плане можно трактовать и определенное совмещение двух важных смысловых понятий — национальной идеи и государственной идеологии. Впервые эта позиция была сформулирована В. Якуниным пятью годами ранее. В статье 2007 г. он, например, под идеологией (национальной идеей) понимает базовую общественную идею, принимаемую всеми слоями социума, проявляющуюся в открытой или латентной форме во всех сферах социального функционирования (экономике, политике, социальной изменчивости) [51, с. 10].

Существенным изъяном многих формулировок государственной идеологии является ее недостаточное нравственно-этическое обоснование. В противовес этому, отчетливо выделяется, например, стремление многих отечественных авторов, прежде всего правоведов, охарактеризовать современное отечественное сильное государство с помощью чисто нормативно-правовых и управленческих средств. Когда отечественные исследователи пишут, что «государственная идеология как любой общественный феномен имеет форму и содержание: форму представляют нормативно-правовые источники, а содержание — государственная политика» [1, с. 104], это скорее можно оценить как некоторое упрощение сложнейшей мировоззренческой проблемы социального целеполагания, причем как на индивидуальном, так и общественном и общегосударственном уровне. С этой точки зрения поэтому вполне понятно, что государствоведы-юристы часто связывают сильное государство с другой общеизвестной дефиницией — с правовым государством. Предполагается при этом, очевидно, что именно правовое государство может обеспечить высокую степень полноты реализации всех государственных функций [33; 39, с. 679–682].

Думается, что чисто правовыми инструментами, с позиций нормативного подхода к проблемам современной государственности вряд ли возможно объективным образом концептуализировать сильное государство. В настоящее время все большее значение приобретают политические основания развития современного государства. Неслучайно поэтому, например, в ряде новейших научных разработок отечественных государствоведов-юристов сильной стороной как раз является стремление избежать формально-упрощенческого подхода к анамнезу отечественного государства и перспектив его развития. Такой подход, по мнению авторов новейшей работы В.Я. Любаша и Н.В. Разуваева, основан на преувеличенном значении этнонациональной,

культурной и цивилизационной самобытности государства в ущерб его универсальным, общечеловеческим характеристикам [33, с. 3]. Не меньшее значение для политологического анализа проблемы сильного государства имеет и другое принципиальное замечание ученых-юристов о том, что нельзя игнорировать необратимость приобретаемых государством изменений. В противном случае это проявляется в «утопических призывах возродить некий национально или этнокультурно ориентированный «государственный идеал»... существовавший в более или менее отдаленном прошлом, а затем по непонятным причинам подвергшийся «порче» [33, с. 4]. В политической сфере доминирующая общественная идея лежит в основе того или иного государственного порядка и складывающейся системы властных отношений и именно этим объясняется растущий интерес политологов к проблеме сильного государства.

Эти рассуждения во многом подтверждаются содержанием многих отечественных публикаций, посвященных проблематике сильного государства. Доминирующей тенденцией этих работ выступает постоянная апелляция авторов к теоретическому наследию национально мыслящих отечественных ученых XIX — нач. XX в. [11; 12; 22; 26; 30–32; 34; 45–47 и др.]. При этом в рамках актуального политического дискурса весьма сильно представлена мысль о том, что современной западной неоллиберальной идеологии следует противопоставлять свою собственную, отечественную, что ее и придумывать не надо заново, не надо возвращать и коммунистическую идеологию. В этом плане вполне понятны идеологические первопричины столь заметных в отечественном политическом пространстве идеологических конструктов русского мира, неоевразийства, особого пути России. И все бы ничего в рамках постмодернистского идеологического разнообразия, но зачастую именно на базе таких идеологем конструируется сильное государство. Это приводит к предположению о том, что конструируемое таким образом российское сильное государство в реальности выступает лишь модернизированной версией широко известной идеи об особом историческом пути России [29; 37 и др.].

Выбор государственных целей, как известно, осуществляется на уровне идеологической самоидентификации. Инициирование в России в 1990-е годы процесса деидеологизации привело к выхолащиванию заодно с базовыми советскими идеологемами и ценностно-целевыми установкам самой государственности как таковой. Конституция Российской Федерации, декларируя запрет какой-либо государственной идеологии, провозглашает тем самым и отказ от целеполагания. Естественно, период укрепления и развития государственных институтов, начавшийся с приходом к руководству страной В. В. Путина, сопровождался ростом усилий в деле выработки новых политико-идеологических ориентиров.

Можно утверждать, что речь идет о взаимообусловленном процессе — укрепления государственности и обоснование ее идеологической составляющей. Для России это является давней исторической традицией (концепция Третьего Рима, формула «православие, самодержавие, народность», целевые коммунистические установки советского периода). В отечественной и зарубежной научно-политической литературе и публицистике многократно и всесторонне исследуются самые различные аспекты национально-государственной идентичности, отражающиеся в первую очередь в цивилизационно-исторической и культурно-ценностной специфике государств различного типа [15].

Политическая наука связывает эту проблему национально-гражданской идентификации непосредственно с различными идеологическими теориями и системами. Глобальные изменения, происходящие в мировом политическом процессе, сопровождаются конкуренцией, а то и открытым противоборством государств с различными системами целеполагания — от мирового либерального проекта (западный «свободный мир»), идей «Pax Americana», исламского мира и т. п. [48; 51]. В этом контексте ценностно-идеологические размежевания внутри российского общества и, прежде всего политического класса страны, отражают аналогичные процессы

в мировом сообществе. Сопрягаясь с ними, они образуют непростую идейно-ценностную атмосферу, воздействующую в том числе и на процесс научной концептуализации «сильного государства» в его российском варианте. Это является одной из основных причин постоянного интереса исследователей к анализу идеологических основ «сильного государства» и, очевидно, эта работа еще далека от завершения. На этом фоне преодоление, по выражению В. Якунина, «эклектической неопределенности» с целевым идеологическим выбором России является одной из актуальных задач экспертно-научного сообщества страны.

При всем многообразии подходов к характеристике сильного государства идеологический подход выступает одним из основных. Вопрос о политическом целеполагании в той или иной степени затрагивают многие отечественные авторы. И не только отечественные, разумеется. Ф. Фукуяма в своей работе 2009 г. «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI в.», излагая свое видение сильного государства в координатах существенно меняющихся геополитических реалий XXI в., в первую очередь демонстрирует последовательно развернутое нелиберальное видение этой проблемы. Но все это никак не мешает Фукуяме сделать свой основной вывод в этой работе: несостоявшиеся, слабые государства в наш век глобализации представляют для своих народов и всего мира гораздо большую угрозу, чем укрепление суверенных национальных государств, чем сильные государства. «Слабые, некомпетентные или несуществующие правительства, — пишет американский исследователь, — являются источником серьезных проблем, особенно в развивающемся мире» [48, с. 4]. Надо признать, что прагматический подход американского аналитика к характеристике дихотомии слабые государства — сильные государства, его рассуждения в русле критериев эффективности, функциональной полноценности государства демонстрируют его исследовательское мастерство учитывать существенные изменения политического и экономического статуса современного государства. В этой связи не стоит недооценивать признание Фукуямой спорным вопроса о том, действительно ли универсальны институты и ценности либерального Запада или они... всего лишь результат своеобразного культурного развития центральной части Северной Европы [48, с. 6].

Так или иначе, любая попытка определить воздействие идеологического компонента на концептуализацию современного сильного государства существенно усложняет поиск ответа на этот вопрос.

Если попытаться суммировать лишь наиболее определившиеся позиции относительно идеологической детерминанты современного сильного государства в рамках общественно-политического дискурса, то они могут быть сведены, с наших позиций, к следующим суждениям: во-первых, масштабный плюрализм трактовок сильного государства как общественного феномена в рамках общественно-политического дискурса обусловлен, в первую очередь, идейными позициями авторов. Во-вторых, идеологические разночтения аргументации в пользу сильного государства таят в себе опасность уклона дискуссии о сильном государстве в политико-манипуляционную сторону в пользу существующего социально-политического статус-кво; наконец, в-третьих, концентрация экспертно-научного сообщества и общественности на идеологических разногласиях по поводу сильного государства тормозит объективный научный анализ оснований и эффективности современного сильного государства в современных условиях.

Литература

1. *Абрамова М. Г.* Мифологема сильного государства и актуальные задачи государственной политики России // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 3. С. 97.

2. *Авакьян С. А.* Некоторые мысли о состоянии и перспективах конституционно-политического развития России // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2016. № 1. С. 3–17.
3. *Александров В. Б.* Русская социально-философская мысль: темы, идеи, традиции : монография. Изд. 2-е, доп. СПб. : СЗИУ — фил. РАНХиГС, 2017.
4. *Аронсон О.* Силы ложного. Опыт неполитической демократии. М. : Фаланстер, 2017.
5. *Байзакова К. И.* Концепция «сильного государства» Мишеля Дебре и проблема конституционной реформы во Франции в 40–50-х годах XX века : автореф. дис. ... канд. ист. н. Ташкент, 1985.
6. *Белевская Ю. Ю.* Содержание понятия «сильное государство» // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 8. С. 293–297.
7. *Бердин А. Т.* Традиционализм как идеология альтернативы национализму // Социология. Экономика. Политика. 2015. № 4. С. 66–68.
8. *Бернацкий Г. Г.* Государственная идеология и сильное государство: история и современность // Актуальные вопросы развития российской государственности и публичного права. Материалы II всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Е. В. Трофимов. 2016. С. 14–20.
9. *Бернацкий Г. Г.* Сильное государство невозможно без идеологии // Ученые записки юридического факультета. 2013. № 31 (41). С. 9а–13.
10. *Васильев А. В.* Государство: исторические и современные аспекты понимания : лекция. М. : Изд-во РАГС, 2006.
11. *Ватыль В. Н., Ватыль Н. В.* Государственный идеал: концептуальная модель Н. Н. Алексева // ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13, № 2. С. 43–52.
12. *Ватыль В. Н., Ватыль Н. В.* Сильное и эффективное государство: концептуальная модель И. А. Ильина // ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10, № 4. С. 110–133.
13. *Власть и политика: институционные вызовы XXI века.* Политическая наука. Ежегодник 2012 / Российская ассоциация политической науки / гл. ред. А. И. Соловьев. М. : РОССПЭН, 2012.
14. *Гаджиев К. С.* Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // Полис. 2018. № 3. С. 130–146.
15. *Гобозов И. А.* Государство и национальная идентичность : Глобализация или интернационализация? М. : УРСС, 2014.
16. *Государство и право: современное состояние, перспективы развития* // Государство и право. 2017. № 2. С. 111–117.
17. *Гришнова Е. Е.* Политический либерализм в России: уроки истории // Социально-политические науки. 2016. № 3. С. 63–67.
18. *Гуторов В. А.* О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. № 1. С. 4–28.
19. *Гуторов В. А.* К вопросу о происхождении государства: парадоксы и аномалии современных интерпретаций // Полис. 2014. № 3. С. 91–110.
20. *Евгеньева Т. В., Селезнева А. В.* Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. 2016. № 3. С. 25–39.
21. *Журавлев Д. В.* Проблема актуализации ценностных ориентиров в гибридных демократиях: российский пример // Вестник РУДН, серия Политология. 2016. № 3. С. 116–124.
22. *Зарубина Н. Н.* Историческая память как источник знаний о цивилизационной специфике России // Общественные науки и современность. 2017. № 2. С. 52–64.
23. *Затонский В. А.* К вопросу о ценности государства и осуществляемого им правового регулирования: личные и социальные аспекты // Актуальные проблемы правоведения. 2004. № 1. С. 69–75.
24. *Керимов А. Д.* Сильное государство: ответ на вызов современной эпохи. М. : Nota Bene, 2009.
25. *Керимов А. Д.* Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018.
26. *Коваленко В. И.* Общеисторические императивы общественного развития и требования отечественной традиции в политическом процессе России // Политическая наука. 2009. № 1. С. 89–107.
27. *Колесников В. Н.* Народное представительство и парламентаризм в истории политической мысли России. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2006.
28. *Кондрашов П.* Россия в поисках утопий. Возможно ли возвращение в политику морали? // Свободная мысль. 2015. № 4. С. 194–207.

29. Левинсон А. Куда идти «особым путем»? // Неприкосновенный запас. 2018. № 1 (117). С. 238–241.
30. Линецкий А. И. Момент истины: традиционалистские стереотипы в российской политике // Полис. 2018. № 1. С. 62–79.
31. Линецкий А. И. Русская идея Александра Янова // Полис. 2015. № 6. С. 173–187.
32. Личман Б. В. Мировоззренческие интерпретации истории России и отношение к ним государства // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 34–39.
33. Любашиц В. Я., Разуваев Н. В. Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель : монография. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2018.
34. Марченкова Н. П. Социокультурные и политические представления о сильном государстве русского правоведа и мыслителя Н. В. Устрялова // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства : материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2015. С. 253–257.
35. Национальная идея России. В 6 т. М. : Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, Научный эксперт, 2012.
36. Немировский В. Г. Травмированное общество и его фантомы // Полис. 2015. № 3. С. 185–189.
37. Оболонский А. В. О мифологеме «особого пути» // Общественные науки. 2017. № 6. С. 77–82.
38. Петров К. Е. Доминирование концептуальной многозначности: сильное государство в российском политическом дискурсе // Полис. 2006. № 3. С. 159–183.
39. Понкин И. В. Теория публичного управления : учебник для магистратуры и программ Master of Public Administration / Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ. М. : Буки Веди, 2017.
40. Путин В. В. Замковый камень российской государственности. («Коллекция Изборского клуба»). М. : Изборский клуб, Книжный мир, 2014.
41. Пушкарева Г. В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности // Полис. 2017. № 5. С. 156–173.
42. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартыянова, Л. Г. Фишмана. М. : Политическая энциклопедия, 2016.
43. Сапко И. В. Концепция сильного государства в политической теории Е. В. Тарле // Власть. 2012. № 6. С. 86–89.
44. Солоневич И. Л. Народная монархия. М. : РИМИС, 2005.
45. Тимофеев М. С. Идеи И. А. Ильина о сильном государстве // История государства и права. 2013. № 22. С. 28–31.
46. Тимофеев М. С. Н. Я. Данилевский и цивилизационные основы сильного российского государства // Вестник Российского университета кооперации. 2015. № 3 (21). С. 125–129.
47. Федорова Е. В. Проблема национализма и патриотизма в творчестве И. А. Ильина и ее актуальность в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 210–219.
48. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI в. / пер. с англ. О. Э. Колесникова и др. под общ. ред. О. Э. Колесникова. М. : АСТ, Хранитель, 2007.
49. Щипков Н. А. Пространство мифа в постсекулярную эпоху // Свободная мысль. 2018. № 2. С. 45–52.
50. Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. 2-е изд., испр. и доп. М. : Новый Хронограф, 2008.
51. Якунин В. И. Государственная идеология и национальная идея: конституционный подход // Власть. 2007. № 3. С. 3–12.

Об авторе:

Белов Леонид Павлович, генеральный директор ООО «Гелиос», аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); leomonolit@yandex.ru

References

1. Abramova M. G. Mythologema of the strong state and relevant problems of state policy of Russia // MSU Bulletin. Series 12. Political sciences [Vestnik MGU. Ser. 12. Politicheskie nauki]. 2014. N 3. P. 97. (In rus)

2. Avakyan S.A. Some thoughts on a state and prospects of constitutional and political development of Russia // Bulletin of the Moscow university. Series 11. Law [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo]. 2016. N 1. P. 3–17. (In rus)
3. Alexandrov V.B. Russian social philosophical thought: subjects, ideas, traditions: monograph. Second edition. SPb. : NWIM of RANEPa, 2017. (In rus)
4. Aronson O. Forces of false. Experiences of non-political democracy. M. : Falanster, 2017. (In rus)
5. Bayzakova K.I. The concept of “the strong state” of Michel Debre and a problem of the constitutional reform in France in the 40–50th years of the 20th century: dissertation *abstract*. Tashkent, 1985. (In rus)
6. Belevskaya Yu.Yu. Maintenance of the concept “strong state” // Social and humanitarian knowledge [Sotsial'no-gumanitarnye znaniya]. 2011. N 8. P. 293–297. (In rus)
7. Berdin A. T. Traditionalism as ideology of an alternative to nationalism // Sociology. Economy. Policy [Sotsiologiya. Ekonomika. Politika]. 2015. N 4. P. 66–68. (In rus)
8. Bernatsky G.G. State ideology and strong state: history and present // Topical issues of development of the Russian statehood and public law [Aktual'nye voprosy razvitiya rossiiskoi gosudarstvennosti i publicnogo prava]. Materials of the II scientific and practical conference / Editor-in-chief E. V. Trofimov. 2016. P. 14–20. (In rus)
9. Bernatsky G.G. The strong state is impossible without ideology // Scientific notes of law department [Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta]. 2013. N 31 (41). P. 9a–13. (In rus)
10. Vasilyev A.V. State: historical and modern aspects of understanding: lecture. M. : RAGS publishing house, 2006. 47 p. (In rus)
11. Vaty V.N., Vaty N.V. State ideal: conceptual model of N. N. Alekseev // POLITEX. 2017. V. 13, N 2. P. 43–52. (In rus)
12. Vaty V.N., Vaty N.V. Strong and effective state: conceptual model of I. A. Ilyin // POLITEX. 2014. V. 10, N 4. P. 110–133. (In rus)
13. Power and policy: institutional calls of the 21st century. Political science. Year-book 2012 / Russian association of political science / chief editor A. I. Solovyov. M. : ROSSPEN, 2012. (In rus)
14. Gadzhiev K. S. Russian Federation: national state or state of the people? // Political Researches [Polis]. 2018. N 3. P. 130–146. (In rus)
15. Gobozov I. A. State and national identity: Globalization or internationalization? M. : URSS, 2014. 198 p. (In rus)
16. State and law: current state, prospects of development // State and law [Gosudarstvo i pravo]. 2017. N 2. P. 111–117.
17. Grishnova E.E. Political liberalism in Russia: history lessons // Social and political sciences [Sotsial'no-politicheskie nauki]. 2016. N 3. P. 63–67. (In rus)
18. Gutorov V.A. About some aspects of formation of a political and philosophical discourse in modern Russia // POLITEX-. 2016. V. 12. N 1. P. 4–28. (In rus)
19. Gutorov V.A. To a question of origin of the state: paradoxes and anomalies of modern interpretations // Political Researches [Polis]. 2014. N 3. P. 91–110. (In rus)
20. Evgenyeva T.V., Seleznyova A.V. The Soviet past in valuable and figurative and symbolical space of the Russian identity // Political Researches [Polis]. 2016. N 3. P. 25–39. (In rus)
21. Zhuravlev D.V. A problem of updating of valuable reference points in hybrid democracies: Russian example // Messenger PFUR, Political science series [Vestnik RUDN, seriya Politologiya]. 2016. N 3. P. 116–124. (In rus)
22. Zarubina N. N. Historical memory as source of knowledge of civilization specifics of Russia // Social sciences and present [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 2017. N 2. P. 52–64. (In rus)
23. Zatonsky V.A. On a question of the value of the state and the legal regulation which is carried out by it: personal and social aspects // Current problems of jurisprudence [Aktual'nye problemy pravovedeniya]. 2004. N 1. P. 69–75. (In rus)
24. Kerimov A.D. Strong state: answer to a call of a modern era. M. : Nota Bene, 2009. (In rus)
25. Kerimov A. D. The strong state as the defining factor of social progress: monograph / A. D. Kerimov, I. N. Kuksin. M. : Norm: INFRA-M, 2018. (In rus)
26. Kovalenko V.I. General historical imperatives of social development and the requirement of domestic tradition in political process of Russia // Political science [Politicheskaya nauka]. 2009. N 1. P. 89–107. (In rus)
27. Kolesnikov V.N. National representation and parliamentarism in the history of a political thought of Russia. SPb. : SZAGS publishing house, 2006. (In rus)

28. Kondrashov P. Russia in search of utopias. Whether return to morals policy is possible? // Free thought [Svobodnaya mysl']. 2015. N 4. P. 194–207. (In rus)
29. Levinson A. Where to go by “a special way”? // NZ [Neprikosnovennyi zapas]. 2018. N 1 (117). P. 238–241. (In rus)
30. Linetsky A. I. Moment of truth: traditionalist stereotypes in the Russian policy // Political Researches [Polis]. 2018. N 1. P. 62–79. (In rus)
31. Linetsky A. I. Russian idea of Alexander Yanov // Political Researches [Polis]. 2015. N 6. P. 173–187. (In rus)
32. Lichman B. V. World outlook interpretations of history of Russia and relation to them of the state // Social and political sciences [Sotsial'no-politicheskie nauki]. 2015. N 4. P. 34–39. (In rus)
33. Lyubashits V. Ya., Razuvaev N. V. Evolution of the state: historical dynamics and theoretical model: monograph. M. : RIOR: INFRA-M, 2018. (In rus)
34. Marchenkova N. P. Sociocultural and political ideas of the strong state of the Russian jurist and the thinker N. V. Ustryalov // Person, image, word in the context of historical time and space [Chelovek, obraz, slovo v kontekste istoricheskogo vremeni i prostranstva]: materials of the Russian scientific and practical conference. M, 2015. P. 253–257. (In rus)
35. National idea of Russia. In the 6 v. M. : Center of the problem analysis and state and administrative design, Scientific expert, 2012. 4439 p. (In rus)
36. Nemirovsky V. G. The injured society and its phantoms // Political Researches [Polis]. 2015. N 3. P. 185–189. (In rus)
37. Obolonsky A. V. On a mythologema of “special way” // Social sciences [Obshchestvennyye nauki]. 2017. N 6. P. 77–82. (In rus)
38. Petrov K. E. Domination of conceptual polysemy: the strong state in the Russian political discourse // Political Researches [Polis]. 2006. N 3. P. 159–183. (In rus)
39. Ponkin I. V. Theory of public management: the textbook for a magistracy and programs Master of Public Administration / Institute of Public Administration and Civil Service of RANEPa. M. : BukiVedi, 2017. (In rus)
40. Putin V. V. Capstone of the Russian statehood. (“Collection of Izborsky club”). M. : Izborsky club, Book world, 2014. 288 p.
41. Pushkareva G. V. Ideas and values as way of designing of symbolical space of national identity // Political Researches [Polis]. 2017. N 5. P. 156–173. (In rus)
42. Russia in search of ideologies: transformation of valuable regulators of modern societies / under the editorship of V. S. Martyanov, L. G. Fishman. M. : Political encyclopedia, 2016. 334 p. (In rus)
43. Sapko I. V. The concept of the strong state in the political theory of E. V. Tarle // Power [Vlast']. 2012. N 6. P. 86–89. (In rus)
44. Solonevich I. L. National monarchy. M. : RIMIS, 2005. (In rus)
45. Timofeev M. S. I. A. Ilyin's ideas about the strong state // History of state and law [Istoriya gosudarstva i prava]. 2013. N 22. P. 28–31. (In rus)
46. Timofeev M. S. N. Ya. Danilevsky and civilization bases of the strong Russian state // Messenger of the Russian University of cooperation [Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii]. 2015. N 3 (21). P. 125–129. (In rus)
47. Fedorova E. V. A problem of nationalism and patriotism in I. A. Ilyin's creativity and its relevance in modern Russia // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and political science [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya]. 2015. N 4. P. 210–219. (In rus)
48. Fukuyama F. State-Building: Governance and World Order in the 21st century / translation from English O. E. Kolesnikov, etc. under a general edition of O. E. Kolesnikov. M. : AST: Keeper, 2007. (In rus)
49. Shchipkov N. A. Myth space during a post-secular era // Free thought [Svobodnaya mysl']. 2018. N 2. P. 45–52. (In rus)
50. Yakovenko I. G. Russian State: national interests, borders, prospects / I. G. Yakovenko; D. S. Likhachev Heritage institute. the 2nd edition. M. : New Chronograph, 2008. 319 p. (In rus)
51. Yakunin V. I. State ideology and national idea: constitutional approach // Power [Vlast']. 2007. N 3. P. 3–12. (In rus)

About the author:

Leonid P. Belov, LLC “Gelios”, CEO, Graduate student of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); leomonolit@yandex.ru